

УДК 343.24

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(2).199-209

ЦЕЛИ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВООГРАНИЧЕНИЙ В УГОЛОВНОМ НАКАЗАНИИ

О.С. Гузеева

Арбитражный суд Московской области, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

5 февраля 2021 г.

Дата принятия в печать

5 апреля 2021 г.

Дата онлайн-размещения

30 апреля 2021 г.

Ключевые слова

Конституционализация уголовного права; уголовное наказание; цели наказания; содержание наказания; ограничение прав и свобод человека

Аннотация. Сопоставление целей наказания и конституционно декларируемых целей ограничения прав и свобод показало, что только предупреждение преступлений как на уровне угрозы наказанием, так и на уровне реального применения наказания в полной мере соответствует конституционным стандартам правоограничений. Цель восстановления социальной справедливости не может легитимировать наказание, поскольку превращает его в демонстрацию справедливого воздаяния за проявленную осужденным несправедливость. Цель исправления осужденных также не имеет в России прямых конституционных оснований. Однако, поскольку содержание наказания охватывает собой и правоограничения, и воспитательно-реабилитационные программы, цель исправления может получить обоснование лишь как элемент пенитенциарной реабилитационной практики, как желаемый результат морально-психологического воздействия на личность. Анализ содержания наказания с точки зрения ограничения прав человека показал, что правоограничения, которым подвергается наказанное лицо, необходимо дифференцировать на те, что выступают частью наказания, и те, что непосредственно связаны с наказанием, обеспечивают его исполнение и составляют часть «режима наказания». Правоограничения в процессе исполнения наказания (обязательное привлечение к труду, ограничение свиданий и др.) могут быть введены лишь как необходимые ограничения, чтобы обеспечить не только правопослушное поведение осужденных в период отбывания наказания и их исправление, но и подготовку к освобождению. Ограничения прав и свобод, составляющие сущность уголовного наказания, не должны касаться «сути личности», не должны приводить к ситуации, в которой сами эти права и свободы утрачивают смысл, не должны быть жестокими или унижать человеческое достоинство. Установлено, что не должно подлежать ограничению в качестве уголовного наказания право человека на жизнь, равенство, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, пользование родным языком, свобода убеждений, совести и вероисповедания, свобода мысли и слова, право на образование, государственную защиту и некоторые иные. Рациональным и достаточным для конструирования наказания следует признать лишение или ограничение трех конституционных благ: физической свободы, собственности и прав на занятие отдельными видами деятельности.

PURPOSES AND CONTENT OF LEGAL RESTRICTIONS IN CRIMINAL PUNISHMENT

Olga S. Guzeeva

Arbitration Court of the Moscow Region, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2021 February 5

Accepted

2021 April 5

Available online

2021 April 30

Abstract. A comparison of the goals of punishment and the goals of restricting rights and freedoms declared in the Constitution shows that only crime prevention, both at the level of a threat of punishment and the actual execution of punishment, fully corresponds to the constitutional standards of restricting rights. The goal of restoring social justice cannot legitimize punishment because it turns punishment into a demonstration of a just retribution for the violations committed by the offender. The goal of correcting convicts does not have direct legal grounds in Russia as well. However, since punishment includes both a restriction of rights and educational-rehabilitation programs, the goal of correction could only be justified as an element of penitentiary rehabilitation practice, as a desired result of moral and psychological influence on a person. The analysis of the contents of punishment

Keywords

Constitutionalization of criminal law; criminal penalty; goals of punishment; contents of punishment; restriction of human rights and freedoms

from the standpoint of restricting human rights showed that these restrictions of rights of a convicted person could be either a part of punishment or could be immediately connected with the punishment, ensuring its execution and constituting part of the «punishment regime». The restrictions of rights in the process of executing a punishment (compulsive labor, restriction of visits, etc.) could only be introduced as necessary restrictions that ensure not only the law-abiding behavior of convicts during the term of punishment and their correction, but also a preparation for their release. The restrictions of rights and freedoms that constitute the essence of criminal punishment should not infringe on the «core of the personality», should not result in a situation when these rights and freedoms become meaningless, should not be cruel or humiliating for human dignity. It is established that the following rights should not be restricted as a criminal punishment: a right to life, equality, privacy, inviolability of the home, use of a native language, freedom of belief, conscience and religion, freedom of thought and speech, a right to education, protection provided by the state, and some others. The deprivation or restriction of three rights should be recognized as rational and sufficient for constituting punishment: those of physical freedom, property and involvement in some types of activities.

Одним из важнейших элементов конституционной доктрины ограничения прав человека является нормативная фиксация целей правоограничительных мер. Этот аспект многократно акцентирован в прецедентной практике Европейского суда по правам человека и в практике Конституционного Суда РФ; вопросу о целях наказания посвящен и значительный объем научной литературы. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что целевые установки уголовного наказания в науке исследуются в основном вне контекста конституционных целей ограничения прав человека, изолированно, лишь применительно к тому, как уголовное наказание выполняет свою роль в качестве средства борьбы с преступлениями. Такое положение вещей не может быть признано в полной мере оправданным. Обращение к вопросу о целях наказания в контексте его понимания как конституционно допустимого ограничения прав и свобод человека позволяет выявить дополнительные оттенки проблемы, внимание к которым ускользает из поля зрения современных специалистов.

Напомним, что, согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ, наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также для исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Ограничение прав и свобод человека, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, допускается в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Сопоставление этих нормативных положений свидетельствует о том, что перед уголовным наказанием поставлен значительно более широкий круг целей, и этот момент нуждается в объяснении.

Вопрос о целях наказания в редакции действующей ч. 2 ст. 43 УК РФ (как и вообще о целях наказания) является достаточно сложным. Не углубляясь в его анализ, полагаем необходимым все же высказать некоторые общие суждения по этому поводу, нужные для развития темы.

Для начала — о такой относительно новой цели, как восстановление социальной справедливости. Некоторые специалисты, оправдывая соответствующее законодательное решение, трактуют восстановление справедливости в контексте реститутивной парадигмы уголовного права как восстановление нарушенных преступлением прав и свобод потерпевшего [1, с. 529], возмещение, заглаживание посредством наказания причиненного преступлением вреда личности, обществу, государству [2, с. 22]. Однако существующая система наказаний лишена реститутивного, компенсаторного начала. Для подтверждения этого достаточно вспомнить ч. 1 ст. 43 УК РФ, определяющую наказание как ограничение или лишение прав осужденного, а также проанализировать конкретные виды наказания, которые не предусматривают в своем содержании ни одного реститутивного элемента. Гораздо более точен в понимании рассматриваемой цели А.Ф. Мицкевич, когда пишет, что «восстановление социальной справедливости заключается в ликвидации внесенной и утверждаемой в общественных отношениях совершенными преступлениями несправедливости путем применения к виновным мер уголовного наказания, соответствующего по тяжести лишения и ограничений тяжести совершенного преступления и личности виновного» [3, с. 127; 4]. Однако такой «восстановительный символизм»

также не может быть признан целью наказания. Наказание как ограничение прав человека само по себе не может быть легитимировано соображениями справедливости. В противном случае целью наказания становится справедливое ограничение прав как демонстрация справедливого воздаяния за проявленную осужденным несправедливость, а такая постановка цели перед наказанием не соответствует конституционным стандартам ограничения прав и свобод человека. С учетом изложенного полагаем, что в дискуссии о восстановлении социальной справедливости правда на стороне тех специалистов, которые указывают, что «восстановление социальной справедливости ввиду непомерной глубины и многоаспектности этого процесса и объективной ограниченности уголовно-правовых средств в его реализации не может быть целью собственно уголовного наказания» [5, с. 127–128], что такое законодательное решение «отождествляет цель уголовного наказания и задачу уголовного права» [6, с. 293].

Теперь о более привычных, традиционных целях наказания — о предупреждении преступлений и исправлении осужденного.

Полагаем, не требует специальных доказательств положение о том, что предупреждение преступлений обеспечивает защиту конституционно значимых ценностей. В этом аспекте можно поставить знак равенства между защитной целью правоограничений, указанных в Конституции РФ, и целью превенции преступлений, обозначенной в УК РФ. Предупреждение преступлений как на уровне угрозы наказанием (со стороны всех граждан, находящихся под юрисдикцией закона), так и на уровне реального применения наказания (со стороны конкретного осужденного лица) в полной мере соответствует конституционной задаче защиты интересов личности, общества и государства [7, р. 75].

Сложнее обстоит дело с целью исправления. С одной стороны, надо признать, что исправлением осужденного в идеале обеспечивается недопущение совершения им в дальнейшем (во время и после отбытия наказания) новых преступлений, тем самым предупреждается риск повторного криминального нарушения конституционно значимых ценностей и реализуется их защита. В этом отношении исправление осужденного в качестве цели наказания следует воспринимать через призму отраслевой конкретизации конституционной цели правоограничений, а потому постановка такой цели вполне

легитимна. С другой стороны, возникает вопрос уже из области пенитенциарной психологии и педагогики — о возможности исправить осужденного путем ограничения его прав и свобод. Представляется, что можно считать доказанной вековой историей педагогики мысль о том, что одними лишь ограничениями и запретами скорректировать поведение личности невозможно. Следовательно, наказание, если его содержание понимать только как ограничение прав человека, не сможет достичь заявленной цели исправления. Но несоответствие средства (ограничение прав) его цели (исправление осужденного) служит одним из конституционных препятствий к применению правоограничений.

Выход из ситуации нам видится в реактуализации относительно давней дискуссии о содержании уголовного наказания. Так, Н.А. Стручков писал, что «единственным содержанием наказания выступают определенные лишения и ограничения, которые способны и карать, и воспитывать» [8, с. 57]. В противоположность этой позиции И.С. Ной указывал, что понятие наказания образуется из нескольких элементов: кары (т.е. лишения осужденного некоторых его прав и свобод), принуждения, не имеющего элементов кары (например, принудительного труда в местах лишения свободы), и убеждения (т.е. воспитательной работы с осужденными) [9, с. 25]. В наши дни эта идея была развита А.Э. Жалинским, который писал, что уголовно-правовое содержание наказания включает в себя три компонента: уголовно-правовой упрек, т.е. вложенное в наказание осуждение законодателем лица, совершившего преступление; страдание в виде предусмотренного законом лишения или ограничения прав; обеспечительные и исправительные меры органов и лиц, исполняющих наказание, направленные на осуществление его целей [10, с. 625–626].

Признавая такой многоэлементный состав уголовного наказания, можно констатировать, что цели уголовного наказания, отраженные в ч. 2 ст. 43 УК РФ, выражают нормативные установки, которые стоят перед всей совокупностью образующих наказание компонентов, а не только перед ограничением прав и свобод человека. С этой точки зрения цель исправления получает дополнительное обоснование, поскольку она в гораздо большей степени оказывается связанной с воспитательной и реабилитационной практикой, с морально-психологическим воздействием на личность, нежели собственно с

ограничением прав. Стоит обратить внимание, что цель исправления осужденных в России не имеет прямых конституционных оснований, как это имеет место в некоторых зарубежных странах [11]. Например, в ст. 28 Конституции Китая указывается, что государство не только «охраняет общественный порядок, подавляет предательскую и иную преступную деятельность, подымающую безопасность государства, карает за нарушение общественной безопасности, дезорганизацию социалистической экономики и иные преступные действия», но также «наказывает и перевоспитывает преступные элементы». В ст. 27 Конституции Италии говорится, что «наказания не могут состоять в мерах, противных гуманным чувствам, и должны быть направлены на перевоспитание осужденного». В ст. 25 Конституции Испании установлено, что «лишение свободы и иные меры социальной защиты должны быть направлены на перевоспитание». Однако такое положение не является препятствием для постановки задачи исправления перед наказанием.

Представленное толкование целей наказания ставит вопрос о полноте раскрытия содержания уголовного наказания в ч. 1 ст. 43 УК РФ. В данном случае очевидной нам видится недостаточность существующей дефиниции, в которой отражен только один элемент наказания — карательный, правоограничительный.

В качестве промежуточного итога на данном этапе исследования можно констатировать, что, поскольку содержание наказания не исчерпывается только ограничением или лишением прав и свобод осужденного, цели наказания не могут быть ограничены лишь положениями ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Однако наказание легитимировано конституционными целями защиты конституционных ценностей, которые конкретизированы в цели предупреждения преступлений и отчасти в цели исправления осужденного, хотя исправление достигается не только и не столько ограничением прав, сколько иными элементами содержания наказания.

Предшествующее изложение показало, что ограничения прав и свобод человека выступают частью уголовного наказания наряду с мерами воспитательного и реабилитационного порядка [12, С. 38]. Вместе с тем важно напомнить, что сами правоограничения, которым подвергается осужденное лицо, не всегда являются исключительно уголовным наказанием, а потому возникает необходимость дифференцировать правоограничения, выступающие частью наказания,

и иные правоограничения, которые могут быть разделены на непосредственно связанные с наказанием (обеспечивающие его исполнение или применение, составляющие часть «режима наказания») и на связанные с самим фактом осуждения лица.

Первая группа правоограничений была отчасти рассмотрена нами ранее. Данные правоограничения не выражают собой осуждение и моральный упрек, следуют именно факту осуждения или подтвержденному факту совершения преступления, не зависят собственно от назначенного лицу наказания и ориентированы исключительно на реализацию целей превенции правонарушающего поведения. Вторая группа правоограничений составляет часть наказания и непосредственно связана с ним, она требует отдельного дополнительного анализа.

Разграничение этих правоограничений представляет собой достаточно сложную задачу, необходимость решения которой неоднократно возникала в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ.

В частности, Европейский суд был вынужден рассматривать вопрос о различии наказания и мер, связанных с исполнением или применением наказания, в контексте обсуждения вопроса о границах действия ст. 7 Европейской конвенции 1950 г.¹ (далее — Конвенция). В ряде своих решений Европейский суд констатировал, что, когда те или иные устанавливаемые законом правоограничения связаны с освобождением от наказания² (в том числе досрочным), когда законом или иным актом вводятся различные подходы к применению амнистии в отношении различных лиц³, они не

¹ Руководство по статье 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Наказание исключительно на основании закона: принцип, согласно которому только закон может определить состав преступления и предусматривать наказание (обновлено 30 апр. 2017 г.). URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_7_RUS.pdf.

² Дело «Грава против Италии [Grava v. Italy]»: жалоба № 43522/98: постановление Европ. суда по правам человека от 10 июля 2003 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 12; Дело «Кафкарис против Кипра [Kafkaris v. Cyprus]»: жалоба № 21906/04: постановление Европ. суда по правам человека от 12 февр. 2008 г. // Там же. 2008. № 8.

³ Дело «Монкорне де Комон против Франции [Montcornet de Caumont v. France]»: жалоба № 59290/00: постановление Европ. суда по правам человека от 13 мая 2003 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 8.

являются «частью наказания» с точки зрения материального уголовного права. Следовательно, на такие правоограничения не распространяются гарантии ст. 7 Конвенции, не допускающей придания обратной силы правовым актам, ухудшающим положение лица, совершившего преступление. Суд в то же время отмечал, что на практике разграничение между мерой, которая составляет «наказание», и мерой, которая относится к «применению» наказания, не всегда является ясным. В частности, он признал, что термин «наложенное судом наказание» не может толковаться как исключаящий из сферы действия Конвенции всех мер, примененных после оглашения приговора. Следовательно, когда меры, принятые органами законодательной, исполнительной власти или судами после вынесения окончательного приговора или во время отбывания срока наказания, приводят к пересмотру или изменению содержания «наказания», назначенного судом, такие меры должны подпадать под действие запрета обратной силы, предусматривающего наказание на основании закона. Для того чтобы определить, влияет ли мера, принятая во время исполнения приговора, только на способ исполнения приговора или, напротив, на сферу его применения, в каждом случае суд должен изучить, что назначенное «наказание» фактически влекло в соответствии с действовавшим в тот момент национальным законодательством, иными словами, что составляло его действительный смысл⁴.

В практике российского Конституционного Суда также неоднократно обсуждался вопрос о природе правоограничений, которые, не составляя сути и содержания самого уголовного наказания, предусмотрены законом в качестве элемента режима наказания или условий его отбывания и применения. Суд придерживается принципиальной позиции, согласно которой, устанавливая меры уголовного наказания с различным комплексом ограничений, соответствующих тяжести совершенного осужденным преступления и назначенного ему наказания, а также определяя порядок отбывания этого наказания, законодатель должен исходить из того, что осужденные обладают в целом

теми же правами и свободами, что и остальные граждане, с изъятиями, обусловленными особенностями их личности и совершенными ими преступлениями. Условия отбывания наказания направлены на индивидуализацию наказания, дифференциацию мер взыскания и их применения и создают предпосылки для достижения целей наказания⁵. Регулируя условия отбывания наказания, законодатель обязан вводить лишь необходимые ограничения, обеспечивая по возможности не только правопослушное поведение осужденных в период отбывания наказания и их исправление, но и подготовку к освобождению, потому вводимые им ограничения, а также критерии их дифференциации должны отвечать требованиям справедливости, равенства, соразмерности, законности и гуманизма⁶.

Исходя из этого, Конституционный Суд РФ подтверждает:

1. Привлечение осужденных к лишению свободы к обязательному труду не может рассцениваться как произвольное возложение на них дополнительных обязанностей, поскольку, назначая осужденному наказание в виде лишения свободы, суд предопределяет необходимость и возможность использования в силу закона (ч. 2 ст. 9 УИК РФ) в качестве одного из основных средств исправления осуж-

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 24 мая 2005 г. № 257-О // СПС «КонсультантПлюс» (здесь и далее документы Конституционного Суда РФ приводятся из базы решений, размещенной на официальном интернет-сайте этого органа (URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>)).

⁶ По делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой : постановление Конституц. Суда РФ от 15 нояб. 2016 г. № 24-П // Там же ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О // Там же.

⁴ Дело «Дель Рио Прада против Испании» [Del Río Prada v. Spain] : жалоба № 42750/09 : постановление Европ. суда по правам человека от 21 окт. 2013 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2.

денных их привлечение к общественно полезному труду⁷.

2. Ограничения, которые осужденные претерпевают вследствие своего противоправного поведения, связанного с нарушением установленного порядка отбывания наказания (в том числе ограничения в возможности иметь краткосрочные свидания с родственниками), введены законодателем в целях исправления осужденных, предупреждения совершения ими новых нарушений установленного порядка отбывания наказания и иных правонарушений и не выходят за рамки, определенные ч. 3 ст. 55 Конституции РФ⁸.

3. Исполнение наказания в виде лишения свободы изменяет привычный ритм жизни человека, его отношения с окружающими людьми и имеет определенные морально-психологические последствия, ограничивая не только его права и свободы как гражданина, но и его права как личности. Лицо, имеющее умысел на совершение тяжких преступлений, должно предполагать, что в результате оно может быть лишено свободы и ограничено в правах и свободах, в том числе в праве на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также в возможности рождения ребенка. Совершая преступления, лицо само сознательно обрекает себя и членов своей семьи на такие

ограничения. Ограниченность предоставленных осужденному свиданий по их количеству, продолжительности и условиям проведения является неизбежным следствием данной меры наказания, состоящей в изоляции осужденного в специальном месте под охраной. И с этой точки зрения закон не устанавливает каких-либо дополнительных ограничений, помимо тех, которые по смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ вытекают из самого существа такой меры наказания, как лишение свободы⁹.

4. Гарантируемое ст. 14 УИК РФ право на свободу совести и свободу вероисповедания не предполагает произвольного выбора осужденными средств и способов его реализации, оно может осуществляться в специально установленном уголовно-исполнительным законодательством порядке. При осуществлении права на свободу совести и свободу вероисповедания не должны нарушаться правила внутреннего распорядка учреждения, исполняющего наказания, а также ущемляться права других лиц¹⁰.

Полный объем правоограничений, которые связаны с исполнением или применением уголовных наказаний, определяется не только, а возможно, и не столько в уголовном, сколько в уголовно-исполнительном законодательстве. Такая ситуация в целом не вызывает нареканий, не создает неопределенности и не порождает

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Осколкова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 29 и частью второй статьи 30 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», а также статьями 77.1, 77.2 и 106 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 15 апр. 2008 г. № 296-О-О // СПС «Консультант-Плюс» ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Салищева Павла Петровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 103 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 30 янв. 2020 г. № 246 // Там же.

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Романенко Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом «г» части второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 19 дек. 2019 г. № 3297-О // Там же ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астафьева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 89, частями первой и второй статьи 118, статьями 115 и 121 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 19 марта 2009 г. № 239-О-О // Там же.

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бекмурзина Руслана Ришатовича на нарушение его конституционных прав частями второй и седьмой статьи 14, частью третьей статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и постановлением Правительства Российской Федерации «О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации и пограничных органов федеральной службы безопасности, лиц, подвергнутых административному аресту, задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации на мирное время : определение Конституц. Суда РФ от 30 янв. 2020 г. № 248-О // Там же.

сомнений в конституционности при условии надлежащего конституционного качества уголовно-исполнительного закона. Однако она предъявляет особые требования к содержанию норм уголовно-исполнительного права, которые, определяя неизбежно связанные с исполнением или применением наказания ограничения, не должны выходить за пределы ограничений, составляющих суть уголовного наказания, не должны порождать дополнительных, не предусмотренных природой и целями наказания ограничений прав и свобод осужденного лица. Это обстоятельство предполагает необходимость развертывания в науке специальных масштабных исследований, направленных на уточнение природы каждого вида наказания, содержания и объема ограничиваемых им прав и свобод, а также на дифференциацию правоограничений, относящихся к сути уголовного наказания и к порядку его исполнения или применения. Смешение этих правоограничений в теоретическом и практическом отношении представляется недопустимым, а потому сложно в полной мере согласиться со специалистами, которые критикуют редакцию ч. 1 ст. 43 УК РФ на том основании, что она не включает в содержание уголовного наказания правоограничения, предусмотренные уголовно-исполнительным или иным законодательством [13, с. 49].

Необходимым условием исследовательской программы конституционализации уголовного наказания является четкое определение в уголовном праве (с опорой на конституционные нормы) тех прав и свобод человека, ограничение которых может в принципе составить уголовное наказание.

В решении этого вопроса исходными являются нормы гуманитарного права. Так, согласно положениям ст. 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, ограничения прав человека со стороны государства, помимо того, что они должны определяться законом, должны быть совместимы с природой данных прав и устанавливаться исключительно с целью содействия общему благосостоянию в демократическом обществе. Кроме того, ограничения прав человека не могут влечь за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения. Международные документы не содержат перечня прав человека, которые могут (или, наоборот, не могут) быть ограничены при конструировании

уголовно-правового запрета. Нет ответа на этот вопрос и в Конституции РФ.

Вместе с тем международные документы и Конституция РФ содержат особые предписания относительно ограничения прав человека во время «чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой». В соответствии с ч. 3 ст. 56 Конституции РФ в условиях чрезвычайного положения не могут быть ограничены права на жизнь; охрану достоинства личности и защиту от пыток, насилия, жестокого или унижающего достоинство обращения; неприкосновенность частной жизни; свободу совести и вероисповедания; свободное использование своих способностей и имущества для занятия экономической деятельностью; жилище; судебную защиту прав и свобод (ст. 20, 21, ч. 1 ст. 23, ст. 24, 28, ч. 1 ст. 34, ч. 1 ст. 40, ст. 46–54 Конституции РФ). Очевидно, что ситуация противодействия преступлениям не относится к числу «угрожающих нации», следовательно, на нее тем более распространяются отмеченные запреты на ограничение прав.

Это позволяет напомнить важный тезис Конституционного Суда РФ, который в одном из своих решений указал, что «существует некая суть личности, на которую нельзя посягать и которой нельзя пожертвовать, а во всех случаях, когда возникает сомнение в целесообразности установления ограничений прав и свобод, предпочтение необходимо отдавать правам и свободам, поскольку личность является не объектом государственной деятельности, а полноправным субъектом, что обязывает государство обеспечивать уважение достоинства личности»¹¹.

В науке было высказано мнение о том, что в силу положений ч. 2 ст. 17 Конституции РФ о неотчуждаемости основных прав и свобод они не могут быть ограничены на основании положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которая допускает ограничение иных («неосновных») прав и свобод [15, с. 95].

Принципиально важны лишь три обстоятельства:

1. Ограничения прав и свобод в уголовном наказании не должны касаться «суть личности».
2. Ограничения прав и свобод не должны приводить к ситуации, в которой сами эти права

¹¹ По делу о проверке конституционности п. «г» ст. 18 Закона РФ «О гражданстве Российской Федерации» в связи с жалобой А.Б. Смирнова : постановление Конституц. Суда РФ от 16 мая 1996 г. № 12-П // СПС «КонсультантПлюс».

и свободы утрачивают смысл. «...В тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания...»¹².

3. Существует прямой конституционный запрет на жестокие или унижающие человеческое достоинство наказания (ч. 2 ст. 21 Конституции РФ).

В остальном государство обладает достаточно широкой свободой усмотрения при решении вопроса о том, ограничение каких прав позиционировать в качестве уголовного наказания. При этом есть все основания распространить на сферу уголовных наказаний правовую позицию Конституционного Суда РФ, сформулированную им при обсуждении проблем административных наказаний: практика законодательного регулирования юридической ответственности показывает, что перечень видов наказаний не рассматривается как закрытый и может дополняться и уточняться федеральным законодателем, обладающим широкой дискрецией в установлении способствующих наиболее эффективному достижению целей ответственности на том или ином конкретно-историческом этапе развития государства мер реагирования на совершение правонарушений¹³.

Нужно отметить, что российская Конституция содержит крайне мало предписаний, которые прямо касаются уголовных наказаний. Здесь упоминается только два вида наказания: ч. 2 ст. 20 допускает применение смертной казни, а ч. 3 ст. 32 упоминает о наказании в виде лишения свободы. Это формально еще более расширяет дискреционные полномочия законодателя по конструированию видов уголовных наказаний и в известной мере усложняет задачу

Конституционного Суда по проверке их конституционности. Например:

1. Формулируя вывод о праве законодателя предусмотреть пожизненное лишение свободы как меру наказания, назначаемую осужденному за преступление по приговору суда, а также порядок и условия исполнения данного вида наказания, Конституционный Суд ссылаясь на ст. 71 (пп. «в», «о») Конституции РФ во взаимосвязи со ст. 22, ч. 3 ст. 32, ч. 1 ст. 49, ч. 3 ст. 50, которые вовсе не упоминают о данном виде наказания и посвящены общим вопросам компетенции законодателя и прав человека в уголовно-правовой сфере¹⁴.

2. Легитимируя наказание в виде обязательных работ, Конституционный Суд, ссылаясь на ч. 1 ст. 17, ч. 2 ст. 55 и ч. 1 ст. 37 Конституции РФ, констатировал, что этот вид наказания обеспечивает (на основе баланса частных и публичных начал) такое реагирование государства на совершение правонарушений, которое, с одной стороны, не связано с вторжением в имущественные права граждан и не влечет лишения правонарушителя свободы, а с другой — не противоречит целям ответственности и не является недопустимым способом принуждения к труду¹⁵.

3. В подтверждение обоснованности и возможности закрепления исправительных работ в системе видов уголовных наказаний Конституционный Суд сослался на положения Конвенции Международной организации труда № 29 от 28 июня 1930 г. относительно принудительного или обязательного труда, являющейся в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ составной частью

¹² По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова : постановление Конституц. Суда РФ от 30 окт. 2003 г. № 15-П // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко : постановление Конституц. Суда РФ от 14 февр. 2013 г. № 4-П // Там же.

¹⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 57 и частью второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 30 янв. 2020 г. № 230-О // СПС «КонсультантПлюс» ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чуняева Василия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 57 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 27 сент. 2018 г. № 2134-О // Там же.

¹⁵ По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко : постановление Конституц. Суда РФ от 14 февр. 2013 г. № 4-П.

российской правовой системы, согласно которой работа, требуемая от лица вследствие приговора суда и проводимая под надзором и контролем государственных органов, не подпадает под понятие принудительного труда¹⁶; а также на компетенцию федерального законодателя, гарантированную пп. «в», «о» ст. 71 Конституции РФ, согласно которой федеральный законодатель вправе предусмотреть в уголовном законе возможность назначения лицу, признанному виновным в совершении преступления, наказания, не связанного с лишением свободы, в том числе в виде исправительных работ¹⁷.

4. Отказывая в жалобе на неконституционность штрафа, Конституционный Суд апеллировал к общим принципам уголовного права — справедливости и гуманизму¹⁸.

5. Обосновывая наличие в системе наказаний такого вида наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, Конституционный Суд ссылаясь на общие принципы соразмерности правоограничений и разумный сдерживающий потенциал наказания, на то, что осужденный временно ограничивается в выборе конкретного рода деятельности, но не лишается возможности заниматься любой иной не запрещенной приговором суда и законодательством РФ деятельностью, а также на отсутствие неопределенности в вопросе о назначении это-

го наказания, которое связывается законом со спецификой и социальной значимостью совершенного преступления и личностью виновного¹⁹.

Таким образом, общий посыл Конституционного Суда РФ состоит в том, что законодатель вправе в предусмотренных Конституцией РФ пределах самостоятельно определять содержание положений уголовного закона, в том числе устанавливать наказуемость конкретных общественно опасных деяний и иные уголовно-правовые последствия совершения лицом преступления. Конституция, относя принятие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства к ведению РФ, наделила федерального законодателя полномочием устанавливать меры государственного принуждения в отношении лиц, совершивших преступления, осужденных и подвергаемых по приговору суда наказанию, существо которого в соответствии с ч. 1 ст. 43 УК РФ состоит в предусмотренном данным Кодексом лишении или ограничении прав и свобод. Закрепляя в рамках этого полномочия в законе меры уголовного наказания, федеральный законодатель определяет применительно к осужденным изъятия из прав и свобод в сравнении с остальными гражданами, обусловленные в том числе особыми условиями исполнения соответствующего вида наказания.

В сравнительно-правовом аспекте интересно заметить, что конституции зарубежных стран в ряде случаев более детально решают вопросы, связанные с конструированием системы наказаний. Так, в ст. 102 Конституции Германии, ст. 85 Конституции Австрии, ст. 114 Конституции Нидерландов, ст. 43 Конституции Венесуэлы устанавливается запрет на применение смертной казни. В ст. 17 Конституции Бельгии, ч. 3 ст. 7 Конституции Греции, ст. 17 Конституции Люксембурга, ст. 12 Конституции Кипра закреплен прямой запрет наказания в виде конфискации имущества, тогда как ст. 59 Конституции Кубы предписывает осуществление конфискации имущества как наказания, а ст. XLV Конституции Бразилии допускает распространение этого наказания на наследников в пределах передаваемой им доли. В ст. 50 Конституции Венесуэлы

¹⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Неверова Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 50 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 26 янв. 2010 г. № 132-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Северского городского суда Томской области о проверке конституционности части четвертой статьи 50 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 16 февр. 2006 г. № 62-О // Там же.

¹⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевкунова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 46 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 27 февр. 2020 г. № 300-О // Там же ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ермоловой Раисы Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью пятой статьи 46, частью третьей статьи 290 Уголовного кодекса Российской Федерации и положениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» : определение Конституц. Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 1438-О // Там же.

¹⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 21 сент. 2017 г. № 1797-О // СПС «КонсультантПлюс».

указывается, что никакой акт публичной власти не может устанавливать наказание в виде экстрадиции граждан Венесуэлы с территории Республики. В ст. 30 Конституции Португалии запрещены наказания, лишаящие свободы или ограничивающие ее, если они носят постоянный характер либо установлены на неограниченный или неопределенный срок, а также предписывается, что никакое наказание не может иметь в качестве обязательного последствия утрату каких-либо гражданских, профессиональных или политических прав. В ст. 44 Конституции Венесуэлы установлен запрет на назначение наказания в виде пожизненного заключения или наказаний позорящего характера. В § 5 гл. 2 Конституции Швеции провозглашен запрет телесного наказания; ст. 18 Конституции Люксембурга запрещает клеймение; ст. 18 Конституции Бельгии упраздняет наказание в виде гражданской смерти; п. 3а Конституции Мальты закрепляет, что никакой закон не должен предписывать применение коллективных наказаний.

Понятно, что конституционные тексты различных государств во многом обусловлены культурно-историческим контекстом их разработки и утверждения, а потому их прямое сравнение может быть не вполне корректным. Тем не менее складывается общее впечатление, что российская Конституция в целом содержит лишь самые общие установки, касающиеся допустимых при конструировании системы уголовных наказаний ограничений прав и свобод человека. Это обстоятельство обуславливает необходимость разработки общего методологического подхода к решению поставленного вопроса. Его формирование должно осуществляться

одновременно в двух встречных направлениях: со стороны конституционного права следует определить права и свободы человека, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть ограничены уголовным наказанием; со стороны уголовного права необходимо определить те права и свободы, ограничение которых может оказаться наиболее эффективным в плане достижения целей уголовного наказания.

Не имея возможности дать детальный анализ этих направлений, выскажем в самом общем виде, что, с нашей точки зрения, не подлежат ограничению в качестве уголовного наказания право человека на жизнь, равенство; неприкосновенность частной жизни; неприкосновенность жилища; право на пользование родным языком; свобода убеждений, совести и вероисповедания; свобода мысли и слова; право на образование, государственную защиту и некоторые иные. Их ограничение может быть конституционно допустимым для защиты иных конституционных ценностей, но в качестве кары за совершенное правонарушение оно выступать не может.

Что касается целесообразных с уголовно-правовой точки зрения правоограничений, то вполне убедительный ответ на этот вопрос был представлен в российской науке еще в конце XIX в. Н.А. Неклюдов верно писал: «Общежитие дает преступнику три блага: а) сношения с людьми; б) имущество; в) политические права. Только лишение этих благ (свободы, собственности и прав) и может быть признано рациональным в современном периоде общественной жизни, тем более что эти три наказания, применяемые порознь или в совокупности, в состоянии вполне осуществить... цель наказания» [16, с. 90].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. В 3 т. Т. 1 : Общая часть / А.В. Наумов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Волтерс Клувер, 2007. — 736 с.
2. Курс уголовного права. В 5 т. Т. 2 : Общая часть. Учение о наказании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. — Москва : Зерцало, 2002. — 464 с.
3. Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизм действия / А.Ф. Мицкевич. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2005. — 329 с.
4. Moore M.S. Justifying Retributivism / M.S. Moore // Israel Law Review. — 1993. — Vol. 27, № 1-2. — P. 15–49.
5. Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права : лекции / Ю.Е. Пудовочкин. — Москва : Юрлитинформ, 2012. — 237 с.
6. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики / Г.В. Верина. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. — 336 с.
7. Honderich T. Punishment. The Supposed Justification Revisited / T. Honderich. — London : Pluto Press, 2006. — 249 p.
8. Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью / Н.А. Стручков. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. — 288 с.
9. Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве: понятие и цели наказания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.С. Ной. — Ленинград, 1963. — 35 с.
10. Уголовное право : учебник. В 3 т. Т. 1 : Общая часть / под ред. А.Э. Жалинского. — Москва : Городец, 2011. — 864 с.
11. Конституции стран мира : хрестоматия. В 7 ч. / сост. Д.В. Кузнецов. — Благовещенск : БГПУ, 2014. — URL: <http://istfil.bgpu.ru>.

12. Meier B.-D. *Strafrechtliche Sanktionen* / B.-D. Meier. — Berlin : Springer, 2001. — 378 S.
13. Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика / В.И. Зубкова. — Москва : Норма, 2002. — 296 с.
14. Фирсова А.П. Объект уголовно-правового воздействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.П. Фирсова. — Москва, 2008. — 30 с.
15. Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права / С.А. Антипов. — Москва : Проспект, 2012. — 144 с.
16. Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права / Н.А. Неклюдов. — Санкт-Петербург : Рус. кн. торговля, 1875. — 192 с.

REFERENCES

1. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugovolnoe pravo. Kurs lektsii* [Russian Criminal Law. Course of Lectures]. 4th ed. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2007. Vol. 1. 736 p.
2. Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M. (eds.). *Kurs ugovnogo prava* [A Course of Criminal Law]. Moscow, Zertsalo Publ., 2002. Vol. 2. 464 p.
3. Mitskevich A.F. *Ugovolnoe nakazanie: ponyatie, tseli i mekhanizmy deistviya* [Criminal Punishment: Concept, Goals and Mechanisms]. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsent Press Publ., 2005. 329 p.
4. Moore M.S. Justifying Retributivism. *Israel Law Review*, 1993, vol. 27, no. 1-2, pp. 15–49.
5. Pudovochkin Yu.E. *Uchenie ob osnovakh ugovnogo prava* [The Doctrine about Fundamentals of Criminal Law]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 237 p.
6. Verina G.V. *Differentsiatsiya ugovnoi otvetstvennosti za prestupleniya protiv sobstvennosti: problemy teorii i praktiki* [Differentiation of Criminal Liability for Crimes against Property: Problems of Theory and Practice]. Saratov State University Publ., 2003. 336 p.
7. Honderich T. *Punishment. The Supposed Justification Revisited*. London, Pluto Press, 2006. 249 p.
8. Struchkov N.A. *Ugovnaya otvetstvennost' i ee realizatsiya v bor'be s prestupnost'yu* [Criminal Responsibility and its Execution in the Context of Crime Fighting]. Saratov State University Publ., 1978. 288 p.
9. Noi I.S. *Voprosy teorii nakazaniya v sovetskom ugovnom prave: ponyatie i tseli nakazaniya. Avtoref. Dokt. Diss.* [Questions of the Theory of Punishment in Soviet Criminal Law: the Concept and Goals of Punishment. Doct. Diss. Thesis]. Leningrad, 1963. 35 p.
10. Zhalinskii A.E. (ed.). *Ugovnoe pravo* [Criminal Law]. Moscow, Gorodets Publ., 2011. Vol. 1. 864 p.
11. Kuznetsov D.V. (ed.). *Konstitutsii stran mira. Khrestomatiya* [Constitution of the Countries of the World. Anthology]. Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2014. Available at: <http://istfil.bgpu.ru>.
12. Meier B.-D. *Strafrechtliche Sanktionen*. Berlin, Springer, 2001. 378 S.
13. Zubkova V.I. *Ugovnoe nakazanie i ego sotsial'naya rol': teoriya i praktika* [Criminal Punishment and its Social Role: Theory and Practice]. Moscow, Norma Publ., 2002. 296 p.
14. Firsova A.P. *Ob'ekt ugovno-pravovogo vozdeistviya. Avtoref. Kand. Diss.* [Object of Criminal Law Impact. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2008. 30 p.
15. Antipov S.A. *Konstitutsionnye osnovy Obshchei chasti ugovnogo prava* [The Concept of the Constitutional Basis of the General Part of Criminal Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 144 p.
16. Neklyudov N.A. *Obshchaya chast' ugovnogo prava* [General Part of the Criminal Law]. Saint Petersburg, Russkaya Knizhnaya Torgovlya Publ., 1875. 192 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гузеева Ольга Сергеевна — судья Арбитражного суда Московской области, кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: Olga3520@list.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guzeeva, Olga S. — Judge, Arbitration Court of the Moscow Region, Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: Olga3520@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гузеева О.С. Цели и содержание правоограничений в уголовном наказании / О.С. Гузеева. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(2).199-209 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 2. — С. 199–209.

FOR CITATION

Guzeeva O.S. Purposes and content of legal restrictions in criminal punishment. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 199–209. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(2).199-209. (In Russian).